

По делу «Салатхановы против России»

Европейский Суд по правам человека¹ (Первая Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя Палаты Первой Секции Европейского Суда*,
 Нины Вайич,
 Анатолия Ковлера,
 Элизабет Штайнер,
 Ханлара Гаджиева,
 Дина Шпильманна,
 Сверре Эрика Йебенса, *судей*,

а также при участии Андре Вампаша, *заместителя Секретаря Первой Секции Европейского Суда*,

проведя 25 сентября 2008 г. совещание по делу за закрытыми дверями,

вынес в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 17945/03) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) двумя гражданами Российской Федерации, г-жой Рейзилей Насрудиновной Салатхановой и г-ном Мовлидом Юсуп-Хаджиевичем Салатхановым (*далее* — заявители), 24 ноября 2000 г.

2. Интересы заявителя при производстве по делу в Европейском Суде представляла г-жа Л. Хамзаева, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (*далее* — государство-ответчик) при производстве по делу в Суде представляли г-н П. Лаптев и г-жа В. Милинчук, бывшие Уполномоченные Российской

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ
ДЕЛО «САЛАТХАНОВЫ ПРОТИВ РОССИИ»

[SALATKHANOVY V. RUSSIA]

(жалоба № 17945/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

16 октября 2008 г.

Настоящее постановление вступило в силу, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. В своем обращении в Европейский Суд заявители утверждали, в частности, что их сын был убит одним российским военнослужащим в нарушение требований статьи 2 Конвенции и что по факту смерти сына власти не провели никакого надлежащего расследования.

4. Своим решением, вынесенным 20 сентября 2007 г., Европейский Суд объявил жалобу приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу.

5. Государство-ответчик представило в Европейский Суд дополнительные письменные замечания по делу (в порядке пункта 1 правила 59 Регламента Европейского Суда); заявители замечаний не представляли.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители родились в 1951 году и в 1938 году соответственно и проживают в селении Дышне-Ведено Веденского района Чеченской Республики.

А. Убийство Аюба Салатханова

7. Заявители являются мужем и женой. Первая заявительница — домохозяйка, а второй заявитель — пенсионер. У них в браке имеется девять детей. В апреле 2000 г. их сын Аюб Салатханов, родившийся в 1984 году, был учеником 9-го класса средней школы.

8. 17 апреля 2000 г., примерно в 13 часов, Аюб Салатханов с тремя своими друзьями шли по улице Ленина

От редакции. По делу заявители — со ссылкой на статьи 2 и 3 Конвенции — обратились с жалобой в Европейский Суд на то, что их сын был убит российским военнослужащим, а также на то, что по факту смерти сына власти не провели надлежащего эффективного расследования. Заявители утверждали также, что не представили материалы уголовного дела, затребованные Судом, государство-ответчик не выполнило своих обязательств по подпункту «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции.

По мнению государства-ответчика, данную жалобу следовало объявить неприемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу ввиду неисчерпания заявителями внутригосударственных средств правовой защиты. В частности, заявители не обращались в суд с гражданскими исками о компенсации причиненного им вреда и не обжаловали процессуальные решения, принятые в ходе производства по уголовному делу, возбужденного по факту гибели сына заявителей.

Вопреки утверждениям заявителей государство-ответчик указало, что правоохранные органы провели расследование по факту смерти сына заявителей, и это расследование вполне отвечало требованиям процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции. Действительно, расследование несколько затянулось в связи с тем, что подозреваемый по делу скрылся от следствия и сменил свою фамилию; он был объявлен в розыск, и понадобилось время для установления его местонахождения. Тем не менее самим фактом возбуждения уголовного дела и привлечением его к ответственности государство-ответчик признало нарушение права сына заявителей на жизнь.

Суд согласился с доводами государства-ответчика. Изучив имеющиеся материалы дела, а также представленные государством-ответчиком материалы — подробный отчет о ходе расследования, копии протоколов заседаний и актов суда по рассмотрению уголовного дела в отношении военнослужащего, застрелившего сына заявителей, копии свидетельских показаний, и с учетом действий властей Российской Федерации, предпринявших все меры по расследованию обстоятельств смерти потерпевшего, привлечению к уголовной ответственности и осуждению виновного, Суд постановил, что заявители уже не могут утверждать, что они являются «жертвами» предполагаемого нарушения требований статьи 2 Конвенции. Суд также решил, что государство-ответчик не нарушило своих обязательств по подпункту «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции, поскольку оно представило в Суд материалы уголовного дела в объеме, достаточном для исследования обстоятельств дела в самом Суде.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

в сторону местного рынка. В это же время по улице проходила колонна военного автотранспорта российской армии. В составе колонны были бронетранспортеры с солдатами, сидящими на бронекорпусах. Один из этих военнослужащих поднял свой автомат, прицелился и произвел выстрел в сына заявителей. В соответствии с тем, что сообщили Европейскому Суду заявители, военнослужащий, должно быть, стрелял из автомата, снабженного глушителем, потому что три других подростка не слышали звука выстрела и не поняли, куда он был направлен, пока Аюб Салатханов, сделавший еще несколько шагов, не упал на землю напротив дома № 153 по улице Ленина, где проживал глава администрации селения Дышне-Ведено.

9. Аюб Салатханов истекал кровью от подбородка до грудной клетки. Его немедленно перенесли в автомобиль, чтобы доставить в районную больницу, но по пути в больницу он скончался в автомобиле. У него было смертельное ранение в сердце.

10. В момент происшествия на улице было много прохожих, которые позвонили в местную милицию, военную комендатуру и прокуратуру. Все вместе прохожие заставили колонну военного автотранспорта остановиться и проследовать к военной комендатуре. Там сотрудники временного отдела внутренних дел Веденского района Чеченской Республики идентифицировали прапорщика Ч., который предположительно произвел выстрел в мальчика. Тем временем Ч. перебрался из бронетранспортера в военный грузовик ЗИЛ-130. В соответствии с тем, что сообщили Европейскому Суду заявители, сотрудники временного отдела внутренних дел Веденского района обыскали грузовик и в коробке с мясными консервами обнаружили 7,62-мм автомат Калашникова образца 1947 года с магазином патронов и глушителем. Автомат числился за прапорщиком Ч.

В. Расследование по факту убийства сына заявителей

11. 17 апреля 2000 г. прокуратура Веденского района Чеченской Республики по факту убийства Аюба Салатханова возбудила уголовное дело № 14/36006 по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 105 («Убийство») Уголовного кодекса Российской Федерации. О возбуждении уголовного дела заявители были уведомлены письмом от 27 апреля 2000 г., в котором среди прочего указывалось, что «лицо, совершившее преступление, было установлено и заключено под стражу» и что дело будет передано для производства дальнейшего расследования военному прокурору войсковой части 20102, дислоцированной в поселке Ханкала (где размещается главная база российских федеральных сил в Чечне).

12. В тот же день был произведен осмотр места происшествия и осмотр военно-транспортных средств, а также был допрошен Е., очевидец происшествия. Е. пояснил, что 17 апреля 2000 г. он вместе с Аюбом Салатхановым, С., А., Х. и Б. шли по улице Ленина и что в их направлении двигалась колонна военного автотранспорта российской армии. Е. указал, что он на бронетранспортере видел военнослужащего, который вскинул автомат, снабженный глушителем, нацелил его на Аюба Салатханова с расстоянием в 10 метров и произвел два или три выстрела.

13. 19 апреля 2000 г. был допрошен С. Он дал показания аналогичные показаниям Е.

14. 19 и 20 апреля 2000 г. был допрошен военнослужащий С-в. Он пояснил, что в вещевом мешке Ч. была найдена обойма для автомата с 25 патронами калибра 7,62 мм и глушитель к автомату.

15. 20 апреля 2000 г. второй заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу.

16. В тот же день у Ч. был изъят автомат и этот автомат был осмотрен наряду с исследованием других доказательств.

17. 21 апреля 2000 г. Ч. сделал заявление о явке с повинной в прокуратуре Веденского района Чеченской Республики признал свою вину в совершении преступления. В тот же день он был допрошен в качестве подозреваемого. В качестве меры пресечения в его отношении было избрано наблюдение командования войсковой части 75143.

18. Позже Ч. отказался от своих показаний, которые он давал 21 апреля 2000 г., и заявил, что пули, выпущенные из автомата, срикошетили.

19. 3 мая 2000 г. было завершено производство судебно-баллистической экспертизы патронов к автомату.

20. 3 июня 2000 г., ввиду отсутствия доказательств, необходимых для предъявления обвинения по уголовному делу, следственные органы приостановили расследование и отменили меру пресечения в отношении Ч.

21. 16 июня 2000 г. прокуратура Чеченской Республики в ответ на просьбу заявителей о предоставлении им информации о ходе расследования сообщило, что производство предварительного следствия по уголовному делу по факту убийства их сына было передано в военную прокуратуру, которая отвечает за расследование преступлений, совершенных военнослужащими. В сообщении прокуратуры Чеченской Республики также указывалось, что все дальнейшие вопросы по этому поводу следует направлять в военную прокуратуру, размещенную в поселке Ханкала. После передачи уголовного дела в производство военной прокуратуры ему был присвоен номер 34/33/0179-00.

22. 20 июня 2000 г. по завершении своей командировки в Чечне и в соответствии с приказом командира войсковой части 75143 прапорщик Ч. прибыл в г. Печору Псковской области.

23. 28 июня 2000 г. заявители были уведомлены письмом военного прокурора войсковой части 20102, что 2 июня 2000 г. предварительное следствие по уголовному делу в отношении прапорщиков Ч. и С-в, военнослужащих войсковой части 75143, было прекращено в силу части второй статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [за отсутствием в деянии состава преступления]. Дело было передано в прокуратуру Чеченской Республики для производства дальнейшего расследования.

24. 29 июня 2000 г. надзирающий военный прокурор отменил постановление о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу.

25. 3 июля 2000 г. Отдел записи актов гражданского состояния Веденского района Чеченской Республики выдал свидетельство о смерти Аюба Салатханова, 16 лет, который скончался 17 апреля 2000 г. в результате огнестрельного ранения в сердце.

26. 21 июля и 26 октября 2000 г. был допрошен военнослужащий Г. Он пояснил, что при своем появлении на месте происшествия его товарищ сказал ему, что видел военнослужащего, перебирающегося из бронетранспортера в стоявший напротив грузовик ЗИЛ-130. Когда Г. подошел к грузовику, то заметил военнослужащего, прячущегося в углу кузова.

27. 22 июля 2000 г. были допрошены второй заявитель и А. А. дал показания, аналогичные показаниям Е.

28. 23 июля 2000 г. был произведен повторный осмотр места происшествия и был вновь допрошен Е. В тот же день был допрошен Т., который пояснил, что на месте

происшествия была найдена патронная гильза. Она была передана сотрудникам милиции. В тот же день был проведен следственный эксперимент.

29. 24 июля 2000 г. был допрошен Ю. Он пояснил, что после того, как колонна военного автотранспорта оставалась, он заметил военнослужащего, прячущегося в грузовике. У этого военнослужащего было красное лицо, голубые глаза, и он был среднего роста.

30. В тот же день был допрошен Т-в., по всей видимости из военной комендатуры Веденского района Чеченской Республики, который пояснил, что 17 апреля 2000 г. приблизительно в 14 часов в комендатуру прибежал военный патруль и доложил, что на улице Ленина была остановлена колонна военного автотранспорта, потому что один военнослужащий застрелил школьника. Когда Т-в. прибыл на место происшествия, ему сказали, что какой-то военнослужащий перебрался из бронетранспортера в грузовик ЗИЛ-130, где его пытались спрятать другие военнослужащие.

31. Военнослужащий И., допрошенный в тот же день, пояснил, что 17 апреля 2000 г. его сослуживцы сказали ему, что военнослужащий из колонны военного автотранспорта, продвигавшейся через территорию селения Дышне-Ведено, убил мальчика. Когда И. прибыл на место происшествия, очевидцы происшествия указали на бронетранспортер, с которого, по их словам, были произведены выстрелы. Один военнослужащий возбужденно метался вокруг бронетранспортера. Он выглядел нервным, и в руках он держал 7,62-мм автомат Калашникова без глушителя. Он затем уселся в кузов грузовика ЗИЛ-131. В ходе обыска этого грузовика сотрудники военной комендатуры Веденского района Чеченской Республики обнаружили магазин для патронов и глушитель.

32. Ц., допрошенный 24 июля и 26 октября 2000 г., пояснил, что он присутствовал при осмотре тела Аюба Салатханова и видел на теле следы огнестрельных ранений. Т. нашел пустую 7,62-мм патронную гильзу и немедленно передал ее сотруднику милиции, проводившему осмотр места происшествия.

33. 26 июля 2000 г. был проведен следственный эксперимент по поводу установления слышимости выстрелов, произведенных из автомата Калашникова, оснащенного глушителем.

34. 31 июля, 16 и 19 октября 2000 г. был допрошен эксперт Ш.

35. 3 августа 2000 г. было завершено производство судебной экспертизы одежды Аюба Салатханова.

36. 5 августа 2000 г. были допрошены военнослужащие П., К. и П-о. Они пояснили, что после того, как два автомата Калашникова, снабженные глушителями ПБС-1, включая автомат, изъятый у Ч., были возвращены в войсковую часть, они использовались по служебному назначению. Ремонт этих автоматов не производился, и у них не заменялись какие-либо детали.

37. 8 августа 2000 г. Ш-н., военнослужащий, следовавший в составе упомянутой колонны военного автотранспорта российской армии, пояснил, что когда эта колонна продвигалась, он увидел какого-то мальчика, лежащего на земле во дворе дома. Когда колонна остановилась, он увидел военнослужащего, сидящего на правом борту кузова грузовика ЗИЛ-131, и этот военнослужащий снимал глушитель со своего автомата. Когда этот военнослужащий покинул грузовик, на его автомате глушителя не было.

38. 16 августа 2000 г. было завершено производство судебной экспертизы.

39. 9 сентября 2000 г. было завершено производство баллистической экспертизы.

40. 27 сентября 2000 г. был допрошен военнослужащий О. Он пояснил, что из числа военнослужащих в составе упомянутой колонны военного автотранспорта только у военнослужащих частей специального назначения имелись глушители ПБС-1.

41. 11 октября 2000 г. было завершено производство судебно-медицинской экспертизы тела Аюба Салатханова.

42. 15 ноября 2000 г. Ч. было предъявлено обвинение в совершении преступления, и в отношении обвиняемого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Однако, поскольку он больше не находился на территории Чеченской Республики, его объявили в розыск. В тот же день производство по уголовному делу было приостановлено ввиду того, что местонахождение Ч. было неизвестно.

43. 25 ноября 2000 г. было завершено производство судебной экспертизы.

44. 11 марта 2001 военный прокурор войсковой части 20102 уведомил заявителей, что следствие установило подозреваемого — Ч., прапорщика войсковой части 75143. Однако эта войсковая часть была передислоцирована из Чечни, и военный прокурор об этом не знал. Прапорщик Ч. скрылся от следствия, а 15 ноября 2000 г. он был объявлен в розыск.

45. Письмом, датированным 27 июля 2001 г. (оно было получено заявителем в декабре 2001 г.), военный прокурор войсковой части 20102 уведомил заявителей, что военнослужащий, ответственный за убийство их сына, был обнаружен. Его уволили с военной службы, и он скрылся от следствия. Его разыскивали сотрудники Отдела внутренних дел г. Острова и Островского района Псковской области по месту жительства этого военнослужащего. В письме далее указывалось, что 15 ноября 2000 г. производство предварительного следствия по уголовному делу было приостановлено на время проведения розыскных мероприятий. 25 июля 2001 г. производство предварительного следствия было возобновлено, и запрос о проведении розыска Ч. был направлен властям в Украину по месту жительства родителей Ч.

46. 8 августа 2001 г. Главная военная прокуратура Российской Федерации уведомила заявителей о том, что расследование по факту убийства их сына было возобновлено. Лицо, подозреваемое в совершении этого преступления, скрылось от следствия и было объявлено в федеральный розыск.

47. 8 октября 2001 г. военная прокуратура Северо-Кавказского военного округа уведомила заявителей, что 2 апреля 2001 г. постановление следователя от 15 августа 2000 г. о приостановлении производства по уголовному делу было отменено, и дело было направлено для дальнейшего расследования военному прокурору войсковой части 20102. Расследование продолжалось, и заявителей уведомят о его результатах.

48. После вынесения ряда постановлений о приостановлении и возобновлении расследования производство по уголовному делу было вновь возобновлено. 17 января 2005 г. было установлено местонахождение Ч., а также было установлено, что он сменил свою фамилию на М. Впоследствии он был задержан, и 18 апреля 2005 г. уголовное дело по обвинению его в убийстве было передано для рассмотрения по существу в Грозненский гарнизонный военный суд.

С. Рассмотрение уголовного дела судом по существу

49. 7 июля 2006 г. Грозненский гарнизонный военный суд не принял во внимание противоречивые показания

Ч. (М.) о том, что, во-первых, это не он произвел выстрелы в Аюба Салатханова и, во-вторых, что он случайно нажал на курок автомата, когда автотранспортное средство, в котором он передвигался, наехало на ухаб на дороге. Суд установил, что Ч. (М.) прицелил автомат в грудь Аюба Салатханова, признал Ч. (М.) виновным в совершении умышленного убийства и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок десять лет. Ч. (М.) обжаловал обвинительный приговор в кассационном порядке.

50. 23 ноября 2006 г. судебной коллегией по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда в кассационном порядке был оставлен без изменения обвинительный приговор суда первой инстанции.

D. Производство по гражданскому делу по иску второго заявителя о взыскании компенсации за причиненный моральный вред

51. В 2003 году второй заявитель обратился в суд с иском требованием к Министерству финансов Российской Федерации о взыскании компенсации за моральный вред, причиненный убийством его сына военнослужащим.

52. 22 июля 2003 г. Басманный районный суд г. Москвы отказал в удовлетворении исковых требований заявителя. Суд, в частности, указал:

«Как следует из доказательств по делу, то обстоятельство, что [заявителю] были причинены физические и моральные страдания, было результатом действий военнослужащего войсковой части 75143 [Ч.], находившимся при исполнении своих служебных обязанностей <...>».

Именно [эта войсковая часть] может нести ответственность в случае, когда [ее военнослужащий] причинил моральный вред, находясь при исполнении [своих] служебных обязанностей».

53. 12 февраля 2004 г. Московским городским судом в кассационном порядке решение суда первой инстанции было оставлено без изменения.

54. Впоследствии, в рамках производства по уголовному делу в отношении Ч. (М.), второй заявитель — до того, как это дело было направлено в суд для рассмотрения по существу — подал гражданский иск о возмещении морального вреда на сумму размером 10 100 000 рублей.

55. В ходе судебного заседания 29 июня 2006 г. адвокат второго заявителя отказался от гражданского иска. Он пояснил при этом, что второй заявитель намеревается обратиться в суд с гражданским иском о возмещении вреда к войсковой части, в которой проходил службу Ч. (М.), в порядке гражданского судопроизводства. Суд согласился с отказом от гражданского иска и специально указал, что второй заявитель вправе свободно обратиться в суд с гражданским иском в порядке гражданского судопроизводства.

56. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, второй заявитель не обращался в Грозненский гарнизонный военный суд ни с какими исковыми требованиями в порядке гражданского судопроизводства.

E. Запрос Европейского Суда государству-ответчику относительно предоставления информации по уголовному делу, возбужденному по факту убийства

57. Несмотря на конкретные запросы Европейского Суда, направлявшиеся государству-ответчику два раза,

последнее не представило Суду копию всех материалов следствия по уголовному делу об убийстве Аюба Салатханова. Однако после объявления жалобы заявителей приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу государство-ответчик представило Суду отчет с последними данными о ходе расследования, копии актов суда и протоколов заседаний суда и протоколов заседаний суда, которые содержат детальное описание следственных действий, и показания свидетелей. Государство-ответчик указало, что представленные документы содержат детальную информацию о производстве предварительного следствия по уголовному делу и о рассмотрении этого дела по существу судом первой инстанции и что если Европейскому Суду понадобятся какие-либо дополнительные документы, то ему следует направить конкретный запрос об их предоставлении.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

58. В Российской Федерации до 1 июля 2002 г. вопросы уголовного процесса регулировались Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 года. 1 июля 2002 г. этот старый кодекс был заменен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

59. Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что постановления дознавателя и следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования.

60. Статья 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации включает в себя правило о том, что данные предварительного расследования не подлежат разглашению. Часть третья этой статьи предусматривает, что данные предварительного расследования могут быть переданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

61. Статья 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), начавшего действовать с 1 марта 1996 г., предусматривает право гражданина требовать возмещения морального вреда. Статья 1100 этого кодекса (часть вторая) устанавливает основания компенсации морального вреда.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

62. Государство-ответчик утверждало, что заявители не исчерпали доступные им внутригосударственные средства правовой защиты. В частности, заявители не обращались в суд с исковыми требованиями о компенсации причиненного им вреда и не обжаловали процессуальные решения, принимавшиеся в ходе производства по уголовному делу.

63. Заявители же утверждали, что государство-ответчик не продемонстрировало значимость и эффек-

тивность тех внутригосударственных средств правовой защиты, на которые оно ссылалось.

64. В настоящем деле, на стадии изучения вопроса о приемлемости жалобы заявителей для ее рассмотрения по существу Европейский Суд отклонил ту часть возражения государства-ответчика, которая касалась вопроса о внутригосударственных средствах гражданско-правовой защиты. При этом Суд не вынес никакого решения по вопросу об исчерпании заявителями внутригосударственных средств уголовно-правовой защиты, на необходимость которого ссылалось государство-ответчик. При этом Суд установил, что данный вопрос тесно связан с существом дела. Суд теперь перейдет к исследованию доводов сторон по делу в свете положений Конвенции и соответствующей практики их применения (имеющий отношение к настоящему делу краткий обзор по данному вопросу см. в постановлении Европейского Суда от 12 октября 2006 г. по делу «Эстамиров и другие заявители против России» [*Estamirov and Others v. Russia*] (жалоба № 60272/00, § 73—74).

65. Европейский Суд замечает, что заявители обратились с жалобой в правоохранительные органы сразу же после убийства Аюба Салатханова и что расследование по этому факту продолжалось с 17 апреля 2000 г. по 18 апреля 2005 г. Заявители и государство-ответчик разошлись во мнениях по вопросу об эффективности этого расследования.

66. Европейский Суд считает, что предварительным возражением государства-ответчика поднимаются вопросы, касающиеся эффективности расследования по уголовному делу, которые тесно связаны с существом жалоб заявителей. По этой причине Суд полагает, что эти вопросы должны быть исследованы далее в контексте материально-правовых норм Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

67. Заявители — со ссылкой на статьи 2 и 3 Конвенции — обратились с жалобой в Европейский Суд на то, что их сын был убит российским военнослужащим, а также на то, что по факту смерти сына власти не провели эффективное расследование. Европейский Суд считает, что жалобу в данном ее пункте надлежит рассмотреть в контексте статьи 2 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- a. для защиты любого лица от противоправного насилия;
- b. для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- c. для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

68. В своих представлениях Европейскому Суду, направленных до вынесения Судом решения по вопросу о

приемлемости жалобы заявителей для ее рассмотрения по существу, заявители доказывали, что государство несло ответственность за убийство их сына, поскольку в момент происшедшего Ч. как военнослужащий был при исполнении своих служебных обязанностей. Заявители далее указали, что просто факт возбуждения уголовного дела и признания второго заявителя потерпевшим по уголовному делу не придает расследованию качество эффективности. После того как их жалоба была объявлена приемлемой для ее рассмотрения по существу, заявители не направляли в Суд никаких дополнительных представлений.

69. В своих представлениях Европейскому Суду государство-ответчик указало, что, возбуждив уголовное дело по факту убийства Аюба Салатханова, российские власти признали, что имел место факт нарушения его права на жизнь. Однако это нарушение было результатом действий конкретного лица, а не государственных органов. Производившееся расследование отвечало требованиям статьи 2 Конвенции. Длительность расследования объясняется тем обстоятельством, что подозреваемый по делу скрылся от следствия, и понадобилось какое-то время для установления его местонахождения. Военнослужащий Ч. не мог быть задержан непосредственно сразу после происшествия, потому что сначала необходимо было установить обстоятельства случившегося. В частности, первоначально подозрение пало на другого военнослужащего, а определенные версии событий, предложенные обвиняемым Ч., такие, как утверждение, что выпущенная из его автомата пуля срикошетила, потребовали проведения отнимающих много времени следственных экспериментов. По мнению государства-ответчика, один только фактор затянутости расследования не может стать основанием для вывода о его неэффективности, особенно принимая во внимание, что в результате расследования виновный был осужден в уголовном порядке национальным судом и ему было назначено наказание.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Общие принципы

70. Европейский Суд вновь подтверждает, что статья 2 Конвенции, которая охраняет право человека на жизнь и перечисляет обстоятельства, при которых лишение человека жизни может быть оправданно, относится к категории наиболее фундаментальных норм Конвенции, от которых в силу положений статьи 15 Конвенции не допускается никакого отступления в мирное время. Перечень ситуаций, в которых лишение человека жизни может быть оправданно, является исчерпывающим и должен толковаться узко. Применение силы, результатом коего является лишение человека жизни, должно быть не более чем «абсолютно необходимым» для достижения одной из целей государства, указанных в подпунктах «а», «b» и «с» пункта 2 статьи 2 Конвенции. В свете важности охраны права, предоставляемой статьей 2 Конвенции, Европейский Суд должен подвергать наиболее тщательной проверке обжалуемые ему акты лишения человека жизни, в особенности в тех случаях, когда умышленно используется смертоносная сила. При этом принимаются во внимание не только действия представителей государства, которые реально применяют силу, но также и все сопутствующие этому обстоятельства, включая такие вопросы, как планирование действий, являющихся предметом исследования по делу, и осуществление над ними контроля (см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 1995 г.

по делу «Маккэнн и другие заявители против Соединенного Королевства» [*McCann and Others v. the United Kingdom*], серия «А», № 324, § 146—150; постановление Европейского Суда от 9 октября 1997 г. по делу «Андронику и Константину против Кипра» [*Andronicou and Constantinou v. Cyprus*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-VI, с. 2097—2098, § 171; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оур против Турции» [*Oğur v. Turkey*] (жалоба № 21594/93), § 78, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 1999-III).

71. Европейский Суд далее вновь подтверждает, что обязательство государства охранять право человека на жизнь, вытекающее из статьи 2 Конвенции, взятое в увязке с общей обязанностью государств по статье 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в <...> настоящей Конвенции», также требует по своему смыслу, что в случаях, когда гибнут люди в результате применения силы, должно в какой-то форме проводиться эффективное официальное расследование (см., *mutatis mutandis*¹, упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Маккэнн и другие заявители против Соединенного Королевства», с. 49, § 161, а также постановление Европейского Суда от 19 февраля 1998 г. по делу «Кайя против Турции» [*Kaya v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1998-I, с. 324, § 86). Важнейшая цель такого расследования состоит в обеспечении эффективного применения норм национального законодательства, которые охраняют право человека на жизнь, и в тех случаях, когда в происшествии замешаны представители или органы государства, обеспечить, чтобы они отчитались за свои действия за гибель людей, случившуюся в ситуации, за которую представители или органы государства несут ответственность. Такое расследование должно быть независимым, доступным для членов семьи потерпевшего, производимым с разумной быстротой и оперативностью; оно также должно быть эффективным в том смысле, что оно способно привести к решению вопроса о том, было ли применение силы в таких случаях оправданно или не оправданно при обстоятельствах случившегося, либо не было ли оно незаконным в ином смысле; должен также допускаться в достаточной мере публичный контроль над расследованием или его результатами (см. постановление Европейского Суда от 4 мая 2001 г. по делу «Хью Джордан против Соединенного Королевства» [*Hugh Jordan v. the United Kingdom*] (жалоба № 24746/94), § 105—109, а также решение Европейского Суда от 8 января 2002 г. по жалобе № 56413/00, поданной Лизой Дуглас-Вильямс [*Lisa Douglas-Williams*] против Соединенного Королевства).

2. Применение общих принципов к настоящему делу

72. Европейский Суд замечает, во-первых, что в момент исследуемых по делу событий Ч. (М.) находился на военной службе. Суд отмечает при этом, что Ч. (М.) не стрелял в Аюба Салатханова в рамках проведения какой-либо военной операции и что никакого приказа на этот счет ему не отдавалось. Более того, национальный суд признал Ч. (М.) виновным в совершении убийства, назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок десять лет и признал право

второго заявителя обратиться в порядке гражданского судопроизводства в суд с иском о возмещении вреда. По делу возникает вопрос, могут ли заявители — в соответствии со статьей 34 Конвенции — по-прежнему считаться «жертвами» нарушения требований статьи 2 Конвенции.

73. Европейский Суд вновь подтверждает, что в соответствии с нормами его прецедентной практики тот или иной заявитель может утратить свой статус «жертвы» в случаях, когда «национальные власти — в прямой форме или по существу — признают факт нарушения Конвенции и затем предоставляют возмещение за причиненный ими вред» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Далбан против Румынии» [*Dalban v. Romania*] (жалоба № 28114/95, § 44, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 1999-VI).

74. Что касается вопроса о признании властями государства-ответчика факта нарушения Конвенции, то Европейский Суд замечает, что расследование на национальном уровне было начато немедленно в день происшествия. В последующие затем дни власти предприняли в расследовании важные шаги, осмотрев место происшествия и военно-транспортные средства, входившие в состав колонны военного автотранспорта, допросили многочисленных свидетелей и провели следственные эксперименты. Суд не считает, что то обстоятельство, что Ч. (М.) не был привлечен к уголовной ответственности сразу же после происшествия, является свидетельством неэффективности расследования, поскольку из материалов дела следует, что следственные органы предприняли настойчивые усилия, с тем чтобы установить обстоятельства преступления и выявить противоречия в версиях случившегося. Также Суд считает, что длительность расследования не умаляет признания властями государства-ответчика факта нарушения Конвенции, поскольку в настоящем деле длительность расследования была вызвана тем, что Ч. (М.) скрылся от следствия и было необходимо установить его местонахождение, что еще больше затруднялось тем, что он сменил фамилию. У Суда нет никаких доказательств предполагать, что власти либо действовали недобросовестно, либо не предприняли всех надлежащих мер для розыска Ч. (М.). Суд далее отмечает, что в настоящем деле заявители не утверждали, что их не извещали должным образом о ходе расследования. Наконец, расследование, проведенное российскими правоохранительными органами, имело своим результатом судебное разбирательство, которое привело к тому, что военнослужащий, который убил сына заявителей, был признан виновным в совершении убийства и ему было назначено наказание в виде лишения свободы на срок десять лет. Суд таким образом находит, что расследование, проведенное российскими правоохранительными органами, было эффективным с точки зрения целей статьи 2 Конвенции и что осуждение Ч. (М.) в уголовном порядке являлось прямым признанием со стороны российских властей нарушения права Аюба Салатханова на жизнь.

75. Что касается вопроса о предоставленном заявителям возмещении за причиненный им вред, то Европейский Суд отмечает, во-первых, что иск, заявленный вторым заявителем в 2003 году против Министерства финансов Российской Федерации, не должен приниматься в расчет, потому что гражданское дело по этому иску было возбуждено до осуждения Ч. (М.) в уголовном порядке, а сам иск был заявлен против ненадлежащего ответчика. Все же впоследствии второй заявитель в рамках производства по уголовному делу подал против Ч. (М.)

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

гражданский иск о взыскании компенсации за причиненный вред. Однако позже он отказался от иска, хотя национальный суд признал его право на обращение в суд с иском в рамках гражданского судопроизводства, но второй заявитель в суд с таким иском не обращался.

76. Европейский Суд вновь подтверждает, что в своем решении от 14 ноября 2000 г. по жалобе (№ 41774/98) Линаса Саукайтиса [*Linās Saukaitis*], поданной против Литвы, он постановил, что право заявителя обратиться в суд с иском о взыскании компенсации за причиненный нарушением статьи 6 Конвенции вред является достаточным средством правовой защиты для того, чтобы лишить его статуса жертвы нарушения этой статьи Конвенции. Аналогичным образом в своем решении от 11 января 2000 г. по жалобе № 24520/94, поданной Маргарет Кэрехер [*Margaret Caraher*] против Соединенного Королевства, Европейский Суд постановил, что «в общем, в обычных обстоятельствах, возможность получить компенсацию за смерть лица является достаточным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение материально-правовых требований статьи 2 Конвенции в связи с необоснованным использованием силы представителем государства».

77. Европейский Суд замечает что в настоящем деле отказ второго заявителя от гражданского иска о взыскании компенсации за причиненный вред, заявленного в рамках производства по уголовному делу, может рассматриваться как отказ от своего права на получение компенсации за причиненный вред. Однако в любом случае заявители сохранили свое право требовать получения компенсации за причиненный вред в рамках гражданского судопроизводства, что было особо признано национальным судом, и нет никаких оснований считать, что имеются обстоятельства, в силу которых Ч. (М.) может быть освобожден от гражданской ответственности.

78. Принимая во внимание вышеуказанное, Европейский Суд заключает, что в этих обстоятельствах заявители не могут больше считаться жертвами нарушения статьи 2 Конвенции по смыслу положений статьи 34 Конвенции.

79. Ввиду этого вывода Европейский Суд не считает необходимым принимать решение по той части предварительного возражения государства-ответчика, рассмотрение которой было объединено с рассмотрением дела по существу.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

80. Со ссылками на статьи 6 и 13 Конвенции заявители жаловались на непроведение властями государства-ответчика эффективного расследования по факту убийства их сына. Европейский Суд считает, что в той мере, в какой жалоба заявителей в данном пункте связана с правом заявителя обратиться в суд с иском о взыскании компенсации за причиненный вред, ее следует рассмотреть в контексте статьи 13 Конвенции, которая гласит следующее:

« Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

81. В своих представлениях, направленных в Европейский Суд до вынесения им решения по вопросу о прием-

лемости их жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу, заявители отстаивали данный пункт жалобы. Затем они не направляли в Суд никаких дополнительных представлений.

82. Государство-ответчик настаивало на том, что расследование по настоящему делу было эффективным и что у заявителей имелось право на получение компенсации за причиненный им вред. Однако второй заявитель по собственному волеизъявлению отказался от гражданского иска о взыскании компенсации за причиненный вред.

83. Европейский Суд вновь подтверждает, что в тех случаях, когда имеется «могущее быть доказанным утверждение» о нарушении материально-правовой нормы Конвенции, статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для осуществления материальных прав и свобод, закрепленных в Конвенции, в какой бы форме они ни обеспечивались в национальной правовой системе (см. постановление Европейского Суда от 27 апреля 1988 г. по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» [*Boyle and Rice v. the United Kingdom*], серия «А», № 131, § 52). Учитывая фундаментальную важность права на охрану жизни, статья 13 Конвенции требует — в дополнение к необходимости выплаты компенсации в соответствующих случаях — необходимость проведения властями государства-ответчика эффективного расследования, ведущего к установлению личностей и наказанию тех, кто был ответственен за лишение человека жизни; такое расследование предполагает также эффективный доступ жалобщика к процедуре расследования, ведущего к установлению личностей и наказанию тех, кто был ответственен за это (см. постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии» [*Angelova v. Bulgaria*] (жалоба № 38361/97), § 161—162, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2002-IV, а также постановление Европейского Суда от 24 мая 2005 г. по делу «Сюхейла против Турции» [*Süheyyla Aydın v. Turkey*] (жалоба № 25660/94), § 208). Суд далее вновь подтверждает, что требования статьи 13 Конвенции шире, чем обязательство Высокой Договаривающейся Стороны, вытекающее из статьи 2 Конвенции, провести эффективное расследование (см. постановление Европейского Суда от 24 февраля 2005 г. по делу «Хашиев и Акаева против России» [*Khashiyev and Akayeva v. Russia*] (жалобы № 57942/00 и 57945/00, § 183).

84. Европейский Суд замечает, что, когда заявители возбудили настоящее дело, они прибегли к «могущему быть доказанным утверждению» о нарушении права Аюба Салатханова на жизнь, гарантируемого статьей 2 Конвенции. Однако, как указано в пунктах 72—78 настоящего постановления, Суд решил, что заявители не могут больше считаться жертвами нарушения вышеуказанной статьи Конвенции, установив при этом, что, во-первых, национальные власти провели эффективное расследование по факту убийства сына заявителей, которое привело к наказанию ответственного за это убийство военнослужащего, и, во-вторых, что заявители имели право требовать выплаты им компенсации за причиненный вред.

85. Учитывая вышеизложенный вывод о том, что заявители утратили свой статус жертв нарушения Конвенции в отношении пунктов их жалобы по статье 2 Конвенции, и учитывая мотивировку данного решения, Европейский Суд считает, что при наличных обстоятельствах по делу не возникает никакого вопроса, что

касается статьи 13 Конвенции, взятой в увязке со статьей 2 Конвенции.

IV. ВОПРОС О СОБЛЮДЕНИИ ГОСУДАРСТВОМ-ОТВЕТЧИКОМ ТРЕБОВАНИЯ ПОДПУНКТА «А» ПУНКТА 1 СТАТЬИ 38 КОНВЕНЦИИ

86. Непредставление государством-ответчиком копии всех материалов уголовного дела на стадии расследования, которые были запрошены Европейским Судом на стадии коммуницирования жалобы заявителей государству-ответчику, поднимает вопросы по подпункту «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции, который предусматривает следующее:

Статья 38

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

(а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия <...>».

87. В своих замечаниях по делу, направленных в Европейский Суд до вынесения им решения по вопросу о приемлемости жалобы для ее дальнейшего рассмотрения по существу, государство-ответчик указало, что представление всех материалов уголовного дела противоречило бы требованиям статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. После вынесения Судом решения по вопросу о приемлемости жалобы для ее дальнейшего рассмотрения по существу государство-ответчик предоставило Суду отчет с последними данными о ходе расследования, копии актов суда и протоколов заседаний суда, которые содержат детальное описание следственных действий, и показания свидетелей. Государство-ответчик указало, что представленные документы содержат детальную информацию о производстве предварительного следствия по уголовному делу и о рассмотрении этого дела по существу судом первой инстанции и что если Суду понадобятся какие-либо дополнительные документы, то ему следует направить конкретный запрос об их предоставлении. Европейский Суд не направлял никаких дополнительных запросов по этому поводу.

88. Европейский Суд вновь подтверждает, что производство по некоторым категориям жалоб не во всех случаях требует скрупулезного применения принципа, в соответствии с которым какое-либо лицо, утверждающее что-то, должно доказывать свое утверждение, и что для эффективного функционирования системы обращения в Суд с индивидуальной жалобой, учрежденной в соответствии со статьей 34 Конвенции, является чрезвычайно важным, чтобы государства создавали бы все необходимые условия для обеспечения надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб.

89. Это обязательство требует, чтобы Высокие Договаривающиеся Стороны создавали бы все необходимые условия для Европейского Суда, будь то в случае проведения им миссии по установлению фактов по месту нарушения Конвенции или в случае осуществления им своих общих обязанностей, что касается рассмотрения жалоб. В производстве по делам такого рода — когда индивидуальные заявители обвиняют представителей государства в нарушении прав заявителей, гарантируемых Конвенцией, — в определенных случаях бывает так, что только государство-ответчик имеет доступ к информации, на основании которой возможно подтвердить или опровергнуть эти обвинения. Непредставление Суду государством-ответчиком такой рас-

полагаемой им информации без удовлетворительного объяснения может привести к неблагоприятным выводам Суда относительно обоснованности обвинений заявителя, но может также отрицательно отразиться на степени соблюдения государством-ответчиком своих обязательств, вытекающих из подпункта «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции. В деле, в жалобе по которому поднимаются вопросы эффективности расследования, документы расследования по уголовному делу имеют главное значение для установления обстоятельств дела, и отсутствие таких документов может повредить надлежащему рассмотрению жалобы Судом как на стадии изучения вопроса о ее приемлемости для дальнейшего рассмотрения по существу, так и на стадии рассмотрения дела по существу (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрыкулу против Турции» [*Tanrikulu v. Turkey*] (жалоба № 23763/94), § 71, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECtHR*] 1999-IV).

90. Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик отказалось предоставить копии всех следственных материалов уголовного дела, возбужденного по факту убийства сына заявителей, в ответ на коммуницирование жалобы заявителей. Государство-ответчик при этом ссылалось на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Суд замечает, что в ранее рассмотренных делах он уже находил такое объяснение недостаточным для оправдания отказа предоставить ключевую информацию, запрошенную Судом (см. среди других источников по данному вопросу постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против России» [*Imakayeva v. Russia*] (жалоба № 7615/02), § 123, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECtHR*] 2006 — ... (опубликовано в выдержках)).

91. Европейский Суд вновь подтверждает, что подпункт «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции применим в делах по жалобам, которые были объявлены приемлемыми для их дальнейшего рассмотрения по существу. Суд не может сделать вывод, что задержка с предоставлением информации, запрошенной до вынесения решения по вопросу о приемлемости жалобы для ее дальнейшего рассмотрения по существу, поднимает вопросы в контексте указанной нормы Конвенции или иным образом воспрепятствовала надлежащему рассмотрению настоящего дела. Суд далее отмечает, что после того, как жалоба заявителей была объявлена приемлемой для ее дальнейшего рассмотрения по существу, государство-ответчик предоставило в Суд документы, содержащие детальную информацию о производстве предварительного следствия по уголовному делу и о его результатах. Более того, государство-ответчик было готово рассмотреть дополнительные запросы Суда о предоставлении каких-либо конкретных документов; однако Суд не направлял таких запросов.

92. Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик представило документы, содержавшие ключевые элементы, которые в значительной мере облегчили рассмотрение настоящего дела Судом. В этих обстоятельствах Европейский Суд не считает, что действия государства-ответчика были таковыми, что препятствовали эффективному рассмотрению настоящего дела и тем самым противоречили подпункту «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. объединил с рассмотрением дела по существу рассмотрение предварительного возражения государ-

ства-ответчика и *постановил*, что нет необходимости принимать решение по этому вопросу;

2. *постановил*, что заявители не могут больше претендовать на то, чтобы считаться «жертвами» предполагаемого нарушения требований статьи 2 Конвенции;

3. *постановил*, что по делу не возникает никаких отдельных вопросов в контексте статьи 13 Конвенции в отношении предполагаемого нарушения требований статьи 2 Конвенции;

4. *постановил*, что государство-ответчик не нарушило подпункт «а» пункта 1 статьи 38 Конвенции.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 16 октября 2008 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

**Андре Вампаш,
заместитель Секретаря
Первой Секции
Европейского Суда**

**Христос Розакис,
Председатель Палаты
Первой Секции
Европейского Суда**

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Исправление: постановление Европейского Суда по делу «Штукатуров против России» (жалоба № 44009/05) от 27 марта 2008 г. (опубликованное в 12-м номере журнала за 2008 год) вступило в силу 27 июня 2008 г.